

Философский модус русской литературы: творческий опыт Бориса Пастернака*

О.А. Жукова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются особенности творческого самосознания Б.Л. Пастернака. С точки зрения автора, творчество Пастернака необходимо философски актуализировать как проблему рецепции русской культуры в рамках наследования ее традиций. Согласно авторской идее, творческая преемственность представляет собой интериоризацию этических и эстетических идеалов культуры. В этом контексте для обсуждения проблемы преемственности наиболее соответствующим является применение философско-культурологического подхода. В настоящем исследовании основной акцент сделан на этически мотивированной философии творчества Бориса Пастернака. Писатель вновь поставил «вечные» нравственные вопросы русской литературы. С одной стороны, значимым для Пастернака-модерниста оказывается индивидуально неповторимый образ жизни, при этом стиль жизни странный, возможно непонятный, подчиняющийся своей внутренней логике. С другой стороны, он озабочен собиранием образов и смыслов мировой литературы и искусства. В этом случае обращение к христианской традиции русской и европейской культуры, как и практика перевода художественных текстов, становится важнейшим инструментом диалога с прошлым, его философского и духовного познания. Поэтому при выявлении особенностей творческого самосознания поэта следует говорить как о сочетании радикального новаторства и охранительного традиционализма, так и об особом способе синтезирования нового и старого. Эти черты создают неповторимый художественный стиль высказывания Пастернака как современного писателя. Его поэзия и проза достигает высокого уровня художественно-философского обобщения и может претендовать на авторскую версию философии творчества, имеющую свой оригинальный эстетический язык выражения.

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ключевые слова: философия литературы, русская литература, творческий опыт, художественное сознание, эстетический идеал, философия поступка, христианская традиция.

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ozhukova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

Для цитирования: Жукова О.А. Философский модус русской литературы: творческий опыт Бориса Пастернака // Философские науки. 2020. Т. 63. № 7. С. 21–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-21-38

The Philosophical Modus of Russian Literature: Boris Pasternak's Creative Experience*

O.A. Zhukova

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

Abstract

In the article, we analyze the features of B.L. Pasternak's creative self-consciousness. From our point of view, Pasternak's works should be reviewed in philosophy as a problem of the reception of Russian culture within the framework of inheritance of its tradition. According to our idea, creative continuity is an interiorization of the ethical and aesthetic ideals of culture. In this context it may be relevant to use the philosophical and cultural approaches to discuss the problem of continuity. This article focuses on Boris Pasternak's ethically motivated philosophy of creativity. The writer again appealed to the "eternal" moral issues of Russian literature. On the one hand, for the modernist Pasternak, the individually unique way of life is important, even if it is a weird lifestyle, which is incomprehensible and follows its own internal logic. On the other hand, he is concerned with the compilation of images and meanings of world literature and art. In this case, the appeal to the Christian tradition of Russian and European cultures as well as the practice of the translation of literary texts becomes an important tool for dialogue with the past, its philosophical and spiritual cognition. Therefore, when we identify the fea-

* The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental Research of the National Research University Higher School of Economics.

tures of the poet's creative self-consciousness, we should note the combination of radical innovation and protective traditionalism as well as the special way of synthesizing the new and the old. These peculiarities create a unique artistic style of utterances of Pasternak as a modern writer. His poetry and prose reaches a high literary and philosophical generalization level, and it can claim to be an author's version of the philosophy of creativity, which has its own aesthetic language expression.

Keywords: philosophy of literature, Russian literature, creative experience, artistic consciousness, aesthetic ideal, philosophy of action, Christian tradition.

Olga A. Zhukova – D.Sc. in Philosophy, Professor, School of Philosophy and Cultural Studies Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics.

ozhukova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0152-926X>

For citation: Zhukova O.A. (2020) The Philosophical Modus of Russian Literature: Boris Pasternak's Creative Experience. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 7, pp. 21–38. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-7-21-38

Памяти философа
Жанны Ивановны Гермашевой

Введение

Для человека современной российской культуры творчество Бориса Леонидовича Пастернака включено в литературный канон русской литературы и сопоставимо по значению с художественными достижениями отечественной словесности XIX столетия. Новаторское по существу, в сознании читателя оно прочно связано с большим стилем русской классики [Антудова 2009, 151–157; Сухих 2011, 347–354]. Эта диалектика наследования и преодоления литературной традиции в художественном процессе современности, собственно, и является главной философско-культурологической проблемой *восприятия и толкования* корпуса творений Пастернака. В ранний период творчества он выступает как яркий ниспровергатель эстетических канонов стихосложения и языка [Гаспаров, Поливанов, 2005], а в поздний кажется едва ли не традиционалистом, подражающим гениальным авторам русского романа [Адамович 1959, 3].

В рамках проблемы историко-культурной «верификации» авторского вклада русского-советского писателя в национальную и мировую литературу, как нам представляется, ключевым моментом философской концептуализации творчества Б.Л. Пастернака является вопрос о соотношении традиционного и новаторского в творческом самосознании поэта. Важная задача в решении этого вопроса связана с выявлением глубинной взаимосвязи и обусловленности духовно-творческого опыта Пастернака с темами русской литературы, ее этической проблематикой. С нашей точки зрения, поэтом и писателем была осуществлена *смысловая преемственность* отечественной культуры классического периода на уровне идеалов и ценностей, прошедших эстетический искус модернизма и преломленных в духовно-философских исканиях Серебряного века [Жукова 2017, 208, 255, 267; Хренов 2014, 46–66]. Понимание этой определяющей творческой миссии Пастернака, со временем все более очевидное для его современников, позволило Ф.А. Степуну, находившему в сочинениях Пастернака черты романтической и модернистской эстетики [Степун 1962, 49, 51], заключить, что жизнь и творчество поэта имеет символический смысл для русской культуры [Степун 1960, 46]. Символичным, как можно понять религиозного мыслителя, представляется культурфилософская рамка творчества Пастернака, характеризующая его тип связи с прошлым русской культуры, формы освоения актуального настоящего и способ ценностного полагания будущего – при этом жизнь автора сама становится культурным текстом. Настоящий текст оказывается доступен для интерпретации при внимательном изучении энергийного «отпечатка» поэта, оставленного на холсте времени, – его личностных и художественных «следов» в пространстве интеллектуальной культуры, которые надлежит в исследовательской парадигме «расспрашивать и допрашивать», проясняя текст через контекст и, одновременно, реконструируя последний.

Дух русской литературы

Интеллектуальная биография Пастернака изобилует многими сюжетами, создающими сложную картину эволюции художе-

ственного мировоззрения писателя и определяющими для его типа личности процессами осознания своей *творческой миссии* [Пастернак Б. 2000, 5]. Писатель, на долю которого выпало быть участником и свидетелем переломных для отечественной истории событий, стал голосом нескольких поколений русских и советских людей, одни из которых чувствовали себя творцами нового мира и победителями, другие оказались среди жертв колоссального социального эксперимента построения коммунизма. Создатель романа «Доктор Живаго» запечатлел драму бытия русского общества, дав духовный срез отечественной истории сквозь призму личностного самосознания художника [Пастернак Е. 2017, 257–268; Зайцева 2013, 495–502]. Отстаивая в политически закрытом и идеологически подцензурном обществе право на свободу художественного высказывания, что было его неизменяемой жизненной позицией, сознательно выражаемой философией поступка – *этосом личности*, он предъявил своему поколению опыт стояния в правде, совершив моральный и творческий подвиг. Неслучайно один из самых ярких мыслителей и писателей XX века Альбер Камю удостоил Бориса Пастернака эпитетом «великий» еще до всех событий, связанных с присуждением советскому поэту в 1958 году Нобелевской премии по литературе [Морелли 1959].

Эту оценку разделяли и авторы мюнхенского сборника, вышедшего уже после смерти Пастернака. По словам Б.К. Зайцева, «жизнь и путь этого выдающегося писателя оказались особенными» [Зайцев 1962, 18]. Нет сомнений, что участники сборника видели в авторе «Доктора Живаго» прямого наследника и продолжателя традиций великой русской классики, солидаризируясь с экспертами Нобелевского комитета литературы, давшими лаконичную и исчерпывающую характеристику творчества Бориса Пастернака. Премия была присуждена «За выдающиеся достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великой русской эпической поэзии» [Б.Л. Пастернак... 2013, 826].

Действительно, после выхода в свет романа «Доктор Живаго» и присуждения Нобелевской премии по литературе, которая вызвала ожесточенную волну травли поэта в Советском Союзе

[Борис Пастернак и власть... 2001, 163–167], фигура Пастернака для отечественной культуры приобрела исторический масштаб и тот самый, по Степуну, символический смысл. Его опыт художника и человека, обремененного нравственной рефлексией и волей к достижению творческого идеала, отсылал к духовным традициям русской литературы и культуры. Именно русская литература с обостренным вниманием к духовно-этическим проблемам жизни человека, с ее метафизикой совести и поиском истины в религиозном смысле – сам дух этой литературы, очевидно присутствовавший в романе, привел власть в такое раздражение и негодование. По мнению А. Морелли, дело было «не в отдельных строках романа, неприемлемых и невыгодных для советского режима», дело было «в самом духе романа, духе горячей, глубокой любви ко всему комплексу Божьего творения – человеку и природе; в духе глубоко христианском, хотя, вероятно, и не церковном; духе гуманизма, непревзойденного в литературе последнего времени» [Морелли 1959]. Именно этот дух большой русской литературы оказался недоступен, метафизически противоположен советской власти. В драматической судьбе романа судьба самого Пастернака прочитывалась как знаковый и «аутентичный» для русской культуры текст, имеющий религиозно-философские коннотации и строящийся вокруг традиционной для нее топики смысла жизни, смысла творчества, философии поступка, идеала духовного и эстетического совершенствования.

В данном контексте специально отметим такую устойчивую черту национальной культуры, характеризующую особенность ее духовного и философского самопознания, как литературоцентричность интеллектуальной традиции [Жукова 2011б; Кантор 2005]. Рассуждая о специфике форм философского и эстетического познания в России, сложившихся способах и практиках философского осмысления культурной истории, следует иметь в виду характерный опыт взаимодействия философского и литературно-художественного дискурса в русской культуре. Во многом он объясняется исторически сложившейся традицией репрезентации философской и религиозно-этической проблематики в рамках литературно-художественных,

политико-публицистических и критико-эстетических высказываний [Жукова 2017, 489–493]. Характерная для русской интеллектуальной и художественной культуры смысловая обусловленность литературы и философии в немалой степени также определена общей для них метафизической перспективой – устремленностью к высшему духовно-эстетическому и религиозно-этическому идеалу [Эрн 1991, 86–87]. В русской классической культуре литература выступает важнейшей формой национального самопознания и, присваивая публичный интеллектуальный дискурс, в отсутствие институализированной школы философской мысли берет на себя функции культурфилософской и историсофской рефлексии, моральной и политической философии. Обращаясь к проблемам эстетики и этики, метафизики, философии религии, культуры и истории, художественная литература, по меткому выражению А.Ф. Лосева, оказывается «кладезем самобытной русской философии» [Лосев 1991, 214]. Главным аргументом для философа является непосредственная связь русской мысли с действительной жизнью, то, что он называет практической ориентированностью на многообразие ее жизненных форм [Лосев 1991, 214].

История культуры Серебряного века подтверждает отмеченную Лосевым оригинальную особенность развития русской мысли в рамках жанрового многообразия художественной литературы и политической публицистики [Гайденок 2001, 437–454]. Эта особенность национального типа философствования подержана встречной тенденцией философизации художественной практики, ее эстетической концептуализации [Лосев 1991, 213]. Во многом именно отечественная литература в разнообразии творческих опытов представителей художественного модернизма становится конституирующим моментом интеллектуального пространства Серебряного века [Хренов 2014, 35–40]. Насыщение русской литературы философско-эстетической проблематикой должно быть определено как характерная черта интеллектуального дискурса религиозно-философского ренессанса, с одной стороны, и художественного модернизма, с другой.

Эта значимая линия отечественной литературы, понимающей себя в перспективе духовно-философских вопросов о

человеке, смысле его существования и творчества в истории, отчетливо прослеживается в творческом опыте Б.Л. Пастернака. На это обстоятельство указывает как профессиональное философское образование, полученное Пастернаком в Марбурге [Данилкина 2015, 13–20; Пастернак Б. 2000, 18], так и склонность писателя к эстетико-теоретической рефлексии – к объяснению и формулированию задач своего творчества [Пастернак Б. 2000, 3]. Все это позволяет нам рассматривать жизненный и эстетический опыт автора «Охранной грамоты» и «Доктора Живаго» как прецедент творчества, выражающий в конкретно-личностной форме фундаментальные философские и религиозные вопросы, которые *содержательно связаны и преемственны* с духовно-художественными традициями русской и европейской культуры.

Философичность поэзии и прозы Пастернака [Пасько 2016, 140–149], религиозные мотивы его творчества [Ско-ропадская 2011, 342–354], как и ретроспекции мировой литературы в структуре его образности и языка [Акимова 2018, 174–194], плодотворно обсуждались многими исследователями. В данной статье мы обратим внимание на определяющую, по нашему мнению, творческую интенцию Пастернака, выражаемую в устремленности к интуитивному поиску художественной идеи-образа и ее дальнейшей дискурсивной разработке в виде эстетического идеала творчества. Этот идеал в зрелый период жизни для Пастернака становится этически и религиозно нагруженным.

Смысл творчества

Глубинная установка эстетического мышления, проявляющая себя в искусстве как форме философской рефлексии, роднит позднего Пастернака, его творческий опыт с духовно-нравственными идеями и эстетическими ценностями русской классики, с европейской христианской традицией и в чем-то напоминает попытку русской эмиграции сохранить Россию в ее культуре. Однако в молодой советской России его имя прежде всего было связано с новациями поэтических авангардистов, приветствовавших и, как казалось, принявших новый полити-

ческий строй и все те социальные изменения, которые были завоеваны революцией.

Как поэт-модернист Пастернак в начале своего пути следует за идейным лидером футуризма Владимиром Маяковским, но никогда не стремится конкурировать со славой поэта-трибуна, считая его своим учителем и вдохновителем. Имя Маяковского ассоциируется у него с целым течением, и это имя свято для него. «Маяковский – это я сам, каким был в молодости», – признается поэт [Пастернак Б. 2000, 34]. По этому поводу В.В. Вейдле замечает, что значение Пастернака как поэта определилось к середине 1920-х годов. «Именно Пастернак казался наиболее отважным и цельным выразителем самого радикального и всего тесней связанного с западным русского модернизма», – подчеркивает Вейдле в статье «Пастернак и модернизм» [Вейдле 2001, 242].

От персонального знака модерниста Пастернаку не без труда пришлось избавляться. По собственному признанию писателя, он проделал значительную эволюцию во взглядах на существо творчества, на выбор средств художественной выразительности и формы поэтической речи. Рассуждая о природе искусства и претензиях авторов на новизну, Пастернак прозорливо заметит: «Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно губка. Они решили, что оно должно бить, тогда как оно должно всасывать и насыщаться» [Пастернак Б. 1991а, 367]. В «Охранной грамоте», пытаясь осмыслить свое отношение к проблеме традиций и новаторства в искусстве, Пастернак уже определенно говорит: «Новое возникало не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образца» [Пастернак Б. 1991б, 211–212].

Эта мысль наиболее отчетливо будет высказана им в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956). Между ранним докладом «Символизм и бессмертие», прозвучавшим на заседании в «Молодом Мусагете» в феврале 1913 года, его концептуальной «Охранной грамотой» (которую Пастернак посвящает памяти Рильке, рассказывая в ней о кумире своей юности композиторе Скрябине, философском учителе неокантианце Когене, боготворимом Маяковском, обрывая рассказ

на трагической гибели поэта) и поздней автобиографией, содержащей философско-эстетическую программу творчества, лежит огромная интеллектуальная дистанция.

Философская концепция искусства и творчества, которую в поздний период на страницах своих произведений и писем формулирует Пастернак, имеет ряд свойств, позволяющих установить характерологическую связь с творческим самосознанием авторов классической эпохи. Она отличается центрированностью на проблематике человека в его моральном и духовно-эстетическом планах бытия. Главной темой творчества становится художественное произведение, значимое для самого автора как экзистенциальное событие жизни в структуре романного повествования – большого нарратива, сочетающего в себе черты эпоса, лирики и драмы. Так, само творчество начинает самоопределяться в ценностно-смысловой сфере, содержащей в себе архив исторической памяти, отсылая к архетипам и смыслам национальной и мировой культуры. В основе философской программы произведения оказываются вопросы, актуальные для классического типа культуры – художник и время, традиции и новаторство, время и вечность, вера и разум, жизнь и смерть, добро и зло, человек перед моральным выбором в ситуациях жизненных испытаний...

В период все усиливающегося политического официоза литературное писание для Пастернака, тяготеющего к этико-философской проблематике русской культуры, оказалось полем борьбы за достоинство человека как нравственной свободной личности. Пастернак привнес в литературу XX века свой опыт преодоления революционной катастрофы, постигшей Россию, осознав себя свидетелем и частью этой драмы построения нового мира под знаком коммунистической утопии. «Доктор Живаго» стал не только метафорой судьбы художника и правдивым документом национальной истории, но и его литературной исповедью – опытом интеллектуального и духовного восхождения к религиозному пониманию жизни, озарявшему в детстве прикосновением чуда и подспудно жившем в его сознании.

Воспитанный в атмосфере творческих поисков Серебряного века, выросший в семье известного художника, Пастернак по-

лучил прекрасное образование, до конца жизни сохранив любовь и привязанность к философии, музыке, изобразительному искусству. Уже первые поэтические опыты свидетельствовали о метафизической направленности таланта художника. Существовала глубинная связь между психическим складом его личности и характером его стихов. Как писал молодой Пастернак родителям, всё, чего он хотел, – чтобы его «искренность была замечена как художественная самобытность, а не как добронаравие симпатичного Бори» [Пастернак Б. 2000, 33].

Метафорическая насыщенность пастернаковских стихов как бы отражала метафизическую цельность природы, искусства и человека, сближая авторскую интуицию с прозрениями символизма и авангарда о единстве универсума, о взаимосвязи идеального и материального мира. По определению поэта, сущность художественного дарования заключается в том, что «надо роковым, инстинктивным и произвольным образом видеть так, как все прочие думают, и наоборот думать так, как все прочие видят» [Пастернак Б. 2000, 32].

В образном строе его поэтических творений лес мог быть уподоблен органу, дождь – художнику и поэту, улицы – волнам, гражданская война – поезвному составу, одиночество – холодному и манерному рококо. В мироощущении поэта различные элементы – природные, бытовые, исторические, культурные, психологические – переплавлялись и синтезировались как сопричастные бытию творческой личности. Подобной экзистенциально-личностной переплавке подверглось и время – мгновение у Пастернака фиксируется с помощью образов, принадлежащих вечному времени культуры и памяти человека. Субъективное впечатление поднимается до уровня интерсубъективных духовно-культурных ценностей. Такая диалектика интериоризации-экстериоризации личностного опыта определит не только творческую психологию поэта, но и сформирует образ лирического героя, проживающего свою судьбу во времени культуры и истории.

Название поэтического сборника «Сестра моя – жизнь» (1922) может восприниматься как метафора судьбы самого Пастернака. Связанный с жизнью «кровными» узами, поэт восхищается

красотой природы – часто эмоционально-стихийная общность с явлениями окружающего природного мира служит для выражения психологического состояния героя. Переживание чистоты и первозданности бытия связывается с представлениями о нравственной чистоте и целомудренности человеческих отношений, в которых формируется понимание *единства* законов мироздания и нравственных законов человеческой жизни, что станет главной темой зрелого периода творчества писателя.

Центральное творческое событие для самого художника – роман «Доктор Живаго», который, разрешив все его мучения и сомнения, явится обретением новой жизненной правды. Объясняя замысел и значение произведения в своей жизни, Пастернак говорил о том, что роман дал ему возможность все распутать, дать всему определения, избавившись от мучений и недоумений, и утвердить большое горячее чувство – дух творчества и большой литературы, повествующей о главной проблеме – жизни и смерти. «Роман судьбы», где жизнь становится философски понимаемой категорией [Чистохвалов 2017, 507–508], может быть по справедливости назван романом о бессмертии человека, который пытается сохранить цельность своей душевно-духовной жизни. Повествование о судьбе героев, живущих в конкретную историческую эпоху, перерастает для самого автора в поэму Воскресения, превращаясь в обосновывающий жизнь и оправдывающий ее текст – в литературное Евангелие, в философскую книгу Бытия. Это дало основание Ю. Иваску сказать, что этика Пастернака вдохновлена Евангелием, «в ней есть ободряющее свидетельство растерзанной совести – совести всех лучших людей в России» [Иваск 1959, 7].

Этой книгой, совершая «усилье воскресенья», художник давал ответ современности, утверждавшей насилие, ложь, духовную нищету и приспособленчество, выражал протест личности против омертвляющей философии фарисейства. «Я не говорю, что роман нечто яркое, что он талантлив, что он удачен. Но это – переворот, это – принятие решения, это было желание начать договаривать все до конца и оценивать жизнь в духе былой безусловности, на ее широчайших основаниях», –

признается летом 1958 года в письме к Вяч. Иванову Борис Пастернак [Пастернак Б. 2000, 314–315].

О «точке невозврата», о повороте бывшего поэта-модерниста к «размеру мировому», и как следствие, – к мировой духовно-философской проблематике и наследию русской классики, уместно привести высказывание Г.А. Оцуа (Раевского), поэта-эмигранта, знатока русской и немецкой литературы. По верному замечанию Оцуа-Раевского, «Борис Пастернак вырос, конечно, не из Пушкина (хотя в чем-то основном каждый русский поэт обязан именно Пушкину). Совсем другой строй, другая лира, другая музыка. Но замечательно именно то, что по мере своего художнического, а следовательно, и духовного роста, Пастернак приходит – своим путем, своим жизненным опытом, – к тем же простым пушкинским истинам: “чувства добрые”, “свобода”» [Раевский 1960, 5].

Призыв писателя к «чувствам добрым» и «свободе», его постоянная озабоченность внутренним миром человека, страданиями души, ее искушениями и духовными взлетами, что нашло воплощение в романе «Доктор Живаго», обернулись для самого художника подлинной экзистенциальной драмой. На своей родине он был подвергнут остракизму; кампания по шельмованию писателя не утихала до его смерти.

Но главная задача, вмененная Пастернаком самому себе, была выполнена. Твердая решимость писателя утверждаться правдою воскресила к жизни дух русской литературы со специфической для нее задачей нравственного служения и стояния в истине ценой собственной жизни. Прекрасно осознавая это, Пастернак писал: «...Все чаще раздаются голоса самых близких родных и самых проверенных друзей, которые видят упадок, утерю мной самого себя и уход в ординарность в моих интересах последнего времени и давшей мне так нелегко моей нынешней простоты. Что же, не горе и это. Если есть где-то страданье, отчего не пострадать моему искусству и мне вместе с ним?» [Пастернак Б. 2000, 348].

О значении сделанного Пастернаком, его духовно-творческом усилии *воскресить* смыслы русской культуры, пропустить их через сознание человека, душе которого открыта как красота,

жажда творчества, чувство истории, привязанность к родине, так и сомнения, страх, искушения и муки совести, можно было бы сказать словами А.Ф. Лосева, для которого, как и для Пастернака, главным оказалось правильно увидеть истину и дать ей «свой стиль жизни, не понятной, и, может быть, никому из нашей современности, и русской, и западной» [Гермашева 1995, 28]. По Лосеву, это был «образ правды людей XX века, захотевших в своем уме и сердце вместить всемирно-исторический опыт человеческой культуры и не оторваться ни от хорошего старого, ни от хорошего нового» [Гермашева 1995, 28].

Пастернак, согласно лосевской формуле, ища «хорошего нового» в искусстве в начале своего пути, в зрелые годы пришел к переосмыслению и защите «хорошего старого». Ему, как и его герою, доктору Живаго, была дана душа, обладавшая даром памяти о всемирно-историческом прошлом культуры, даже в своем творческом одиночестве, под спудом общественного порицания и политической травли, не теряющая любовь к Божественному чуду жизни и веру в вечный смысл искусства.

Заключение

Находясь в ситуации экзистенциального выбора как исходного момента творческого самоопределения, писатель переходит в *этический регистр* личностного самопонимания, актуализируя тем самым важнейшие для русской культуры религиозно-философские смыслы бытия, репрезентированные отечественной литературой Золотого и Серебряного века. Этот опыт духовно-нравственной рефлексии поэтического творчества обращает автора к христианской тематике и образности, которая становится для него сознательно исповедуемой *философией жизни*. Со своими современниками в поздний период творчества Пастернак общается на языке Евангелия, воскрешая глубинную память человека русской культуры, в душе которого жив образ Христа и Его крестных мук.

Пройдя через многие стилистические «искушения» модернизма, Пастернак подчинил своей нравственной воле творческую интуицию, создав эстетически окрашенную *книгу бытия*. Актуализируя основные философские и религиозно-нравственные

вопросы русской литературы, писатель продемонстрировал очевидный этический параллелизм с центральными темами русской культуры – свобода, моральный выбор человека, ответственность художника, духовный смысл жизни – и создал *религиозно понимаемую эстетику творчества*. Переживая события бурного века, Пастернак преодолел ограниченность модернистской эстетики, и, рассуждая о смысле искусства, сформулировал творческое кредо, которое говорит о нем как о художнике, заново открывшем ценности и смыслы русской классической культуры. Отстаивая ценой своей жизни духовную свободу личности, поэт и писатель осуществил нравственный и интеллектуальный выбор, неся ответственность за Слово художника-творца перед Богом, историей и своей совестью.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адамович 1959 – *Адамович Г.В.* Несколько слов о «Докторе Живаго» // Русская мысль. 9 июля 1959. С. 2–3.

Акимова 2018 – *Акимова А.С.* Трансформация шекспировских образов в творчестве Б.Л. Пастернака 1910–1920-х гг. // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 174–194.

Антудова 2009 – *Антудова Т.А.* Лермонтов и Пастернак: эстетический и философский аспекты проблемы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 5. С. 151–157.

Б.Л. Пастернак... 2013 – Б.Л. Пастернак: pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике: в 2 т. Т. 2. / сост., коммент. Ел.Б. Пастернак, М.А. Рашковская, А.Ю. Сергеева-Клятис. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013.

Борис Пастернак и власть... 2001 – «А за мною шум погони». Борис Пастернак и власть. 1956–1972 гг.: Документы / под ред. В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилиной. – М.: РОССПЭН, 2001.

Вейдле 2001 – *Вейдле В.В.* Пастернак и модернизм // *Вейдле В.В.* Умирание искусства. – М.: Республика, 2001. С. 242–250.

Гайденко 2001 – *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Гаспаров, Поливанов 2005 – *Гаспаров М.Л., Поливанов К.М.* «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: Опыт комментария. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005.

Гермашева 1995 – *Гермашева Ж.И.* Дерзание Духа. Жизнь и судьба А.Ф. Лосева. – Самара: Самарское книжное издательство, 1995.

Данилкина 2015 – *Данилкина Т.В.* Б.Л. Пастернак и философия // Известия Тульского государственного университета. 2015. № 2. С. 13–20.

Жукова 2017 – Жукова О.А. Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. – М.: Согласие, 2017.

Жукова 2011 – Жукова О.А. Духовный опыт и культура разума: религиозно-философская традиция в университетском образовании // Культурологический журнал. 2011. № 1 (3). С. 6.

Зайцев 1962 – Зайцев Б.К. Путь (О Пастернаке) // Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. – Мюнхен: Институт по изучению СССР. 1962. С. 16–19.

Зайцева 2013 – Зайцева А.Р. Религиозно-этический историзм Б. Пастернака // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 5. С. 495–502.

Иваск 1959 – Иваск Ю.П. Высота суждения. О двух книгах Пастернака «Доктор Живаго» и «Автобиография» // Новое русское слово. 8 февраля 1959. С. 2, 7.

Кантор 2005 – Кантор В.К. Русская классика, или бытие России. – М.: РОССПЭН, 2005

Лосев 1991 – Лосев А. Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. С. 209–236.

Морелли 1959 – Морелли А. Роковые качества // Свобода. 1959. № 1 (январь).

Пастернак Б. 1991а – Пастернак Б.Л. Несколько положений // Пастернак Б.Л. Собр. соч. в 5 т. Повести; Статьи; Очерки. – М.: Художественная литература, 1991. С. 366–369.

Пастернак Б. 1991б – Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Собр. соч. в 5 т. Повести; Статьи; Очерки. – М.: Художественная литература, 1991. С. 149–239.

Пастернак Б. 2000 – Пастернак Б. Биография в письмах. – М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000.

Пастернак Е. 2017 – Пастернак Е.В. Значение автобиографического момента в романе «Доктор Живаго» // Вестник РХГА. 2017. Т. 18. № 1. С. 257–268.

Пасько 2016 – Пасько Ю.В. «Вселенная внутри нас»: «Гамлет» Б. Пастернака через призму философии немецкого романтизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39). С. 140–149.

Раевский 1960 – Раевский Г. Слова поэта // Русская мысль. 21 июля 1960. С. 5.

Скоропадская 2011 – Скоропадская А.А. Евангелие от Иоанна в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 342–354.

Степун 1960 – Степун Ф.А. Памяти Пастернака // Вестник РСХД. 1960. № 3/4 (58/59). С. 46–51.

Степун 1962 – Степун Ф.А. Б.Л. Пастернак // Сборник статей, посвященных творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. – Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1962. С. 45–59.

Сухих 2011 – Сухих О.С. «Великий инквизитор» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 347–354.

Хренов 2014 – Хренов Н.А. Избранные работы по культурологии. Культура и империя. – М.: Сogласие; Артем, 2014.

Чистохвалов 2017 – Чистохвалов А.С. Аксиологема «жизнь» в философско-эстетическом сознании Б.Л. Пастернака // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 507–508.

Эрн 1991 – Эрн В.Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991.

REFERENCES

Adamovich G.V. (1959, July 9) A Few Words about *Doctor Zhivago*. *Russkaya mys'l'*. Pp. 2–3 (in Russian).

Afiani V.Yu. & Tomilina N.G. (Eds.) (2001) “*And the Noise of the Chase after Me.*” *Boris Pasternak and the Authorities. 1956–1972: Documents*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Akimov A.S. (2018) Transformation of Shakespearean Images in the Work of B.L. Pasternak in the 1910s–1920s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki*. Vol. 16, no. 4, pp. 174–194 (in Russian).

Antudova T.A. (2009) Lermontov and Pasternak: Aesthetic and Philosophical Aspects of the Problem. *Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology*. No. 5, pp. 151–157 (in Russian).

Chistokhvalov A.S. (2017) Axiologema of Life in the Philosophical and Aesthetic Consciousness of B.L. Pasternak. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 6 (67), pp. 507–508 (in Russian).

Danilkina T.V. (2015) B.L. Pasternak and Philosophy. *Izvestiya Tula State University*. No. 2, pp. 13–20.

Ern V.F. (1991) *Works*. Moscow: Pravda (in Russian).

Gaidenko P.P. (2001) *Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age*. Moscow: Progress-Tradition (in Russian).

Gasparov M.L. & Polivanov K.M. (2005) “*Twin in the Clouds*” by Boris Pasternak: *Experience of Commentary*. Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Germasheva Zh.I. (1995) *Daring of the Spirit. Life and Fate of A. F. Losev*. Samara: Samara Book Publishing House (in Russian).

Ivask Yu.P. (1959, February 8) Height of Judgment. About Two Books by Pasternak *Doctor Zhivago* and *Autobiography*. *Novoye russkoye slovo*. P. 2, 7 (in Russian).

Kantor V.K. (2005) *Russian Classics, or Being of Russia*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Khrenov N.A. (2014) *Selected Works in Cultural Studies. Culture and Empire*. Moscow: Soglasie; Artem (in Russian).

Losev A.F. (1991) Russian Philosophy. In: Losev A.F. *Philosophy. Mythology. Culture* (pp. 209–236). Moscow: Politizdat (in Russian).

- Morelli A. (1959) Fatal Qualities. *Svoboda*. No. 1. (in Russian).
- Pasternak B.L. (1991a) Several Statements. In: Pasternak B.L. *Collected Works in 5 Vols.* (Vol. 4, pp. 366–369). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Pasternak B.L. (1991b) Safe Conduct. In: Pasternak B.L. *Collected Works in 5 Vols.* (Vol. 4, pp. 149–239). Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).
- Pasternak B.L. (2000) *Biography in Letters*. Moscow: ART-FLEKS (in Russian).
- Pasternak E.B., Rashkovskaya M.A., & Sergeeva-Klyatis A.Yu. (Eds.) (2013) *B.L. Pasternak: Pro et Contra* (Vols. 1–2; Vol. 2). Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities Press (in Russian).
- Pasternak E.V. (2017) The Meaning of the Autobiographical Moment in the Novel *Doctor Zhivago*. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*. Vol. 18, no. 1, pp. 257–268 (in Russian).
- Pasko Yu.V. (2016) “The Universe within Us”: B. Pasternak’s “Hamlet” through the Prism of the Philosophy of German Romanticism. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*. No. 1 (39), pp. 140–149 (in Russian).
- Raevsky G. (1960, July 21) Words of the Poet. *Russkaya mysl’*. P. 5 (in Russian).
- Skoropadskaya A.A. (2011) The Gospel of John in B. Pasternak’s Novel *Doctor Zhivago*. *Problemy istoricheskoy poetiki*. No. 9, pp. 342–354 (in Russian).
- Stepun F.A. (1960) In Memory of Pasternak. *Bulletin of the Russian Christian Student Movement*. No. 3/4 (58/59), pp. 46–51 (in Russian).
- Stepun F.A. (1962) B.L. Pasternak. In: *Collection of Articles Devoted to the Work of Boris Leonidovich Pasternak* (pp. 45–59). Munich: Institute for the study of the USSR (in Russian).
- Sukhikh O.S. (2011) “The Grand Inquisitor” in B.L. Pasternak’s Novel *Doctor Zhivago*. *Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. No. 1, pp. 347–354 (in Russian).
- Weidle V.V. (2001) Pasternak and Modernism. In: Weidle V.V. *The Dying of Art* (pp. 242–250). Moscow: Respublika (in Russian).
- Zaytsev B.K. (1962) Path (About Pasternak). In: *Collection of Articles Devoted to the Work of Boris Leonidovich Pasternak* (pp. 16–19). Munich: Institute for the study of the USSR (in Russian).
- Zaytseva A.R. (2013) Religious and Ethical Historicism of B. Pasternak. *Russkiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 2, no. 5, pp. 495–502 (in Russian).
- Zhukova O.A. (2011) Spiritual Experience and Culture of Mind: Religious and Philosophical Tradition in University Education. *Kulturologicheskiy zhurnal*. No. 1 (3), p. 6 (in Russian).
- Zhukova O.A. (2017) *Philosophy of Russian Culture. Metaphysical Perspective of Man and History*. Moscow: Soglasie, 2017 (in Russian).